

The article analyzes the use of the phraseological unit “take / take by the soul” in publicistic texts. The source of the material was the Newspaper Corpus of the Russian National Corpus. Typical syntagmatic connections of phraseological units in publicistic texts are revealed, confirming the vocabulary characteristics of the valencies of the phraseological unit.

Keywords: phraseological unit, dictionary, publicistic text, use, compatibility.

УДК 811.161.1:[81'37:94]:81'367.622

Е. А. Амельченко, Е. И. Холявко

ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЙ В ХРИСТИАНСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Статья посвящена семантической реконструкции христианских книжных приветствий. Изучение глубинной семантики корня позволяет обосновать выбор коррелирующего русского слова для древнегреческого оригинала. Рассмотрена коммуникативная цель приветствия-хайретизма; определено его своеобразие; установлена связь между внутренней формой русского глагола и его функцией.

Ключевые слова: хайретизм, приветствие, христианство, речевой этикет, внутренняя форма, семантическая реконструкция.

В русском речевом этикете с особой силой проявились особенности православной культуры. Каждое русское приветствие – это словословие, даже если оно беззвучное. Христианство подарило Руси разнообразие приветствий, поэтому по первым же произнесенным словам представлялось возможным определить вероисповедание чужестранца.

Народная традиция придает особое значение речевому этикету. Об этом убедительно свидетельствует иллюстративный материал основного, исторического, диалектного и устного подкорпусов Национального корпуса русского языка: *Ходем; я скажу: «Здравствуй»; ты рцы: «Милости пошли»* (Димитрий Ростовский. Рождественская драма. (Комедия на рождество Христово) (1702)); *Прошу я у вас гсдрь мои батюшъко пожалеи прикажи писат о своем многолетном здорове и о здорovie любещих тобою чего завс... о жел... ю сл.... и радоваться а о себе вам моему гсдрю доношу что я в Москве еще жив а пред уповаю на всещедраго бга и на ваше благословение <...> при сем писавый сын твой солдат гварди Семеновскаго полку Яковъ Сал-*

тыков благословения твоего к себе прошу и премного кланяюсь (Я. И. Салтыков. Я. Салтыков отцу И. М. Салтыкову (1731)); Ну дальше хоть там чего сколько пропричитаешь, потом я наказывала своим родным: Уж передайте поклон да щеловечий-та Да моему да мужу милому, Да моему да сыну милому (Обычаи. Староверы (Архангельская область, 1996)); [Валерий Дьяченко, муж, 50, 1958, актер] «Здравствуй/ дорогая маменька. Шлю я тебе свой сердечный привет и желаю всего хорошего/ а главное доброго здоровья (Под синим куполом небес (Новоржев). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2008) // ТК «Культура») [1].

Приветствие могло быть вербальным или невербальным, но всегда являлось выражением доброжелательного, почтительного отношения: *И как я от него ис полаты вышел в другую полату, и в той полате паки меня кавалеры приветствовали, а я, им поклон отдав, пошел до кореты с помяненным кавалером Иосифом Маноелем* (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)); *И сие у них творят честь воздаючи, ибо яко мы честь воздаем снемши шапки кланяющихся, тако у них в шапке; и противно аще бы нам в шапке кланятся, то безчестие тому, ему же кланяемся, тако у них без шапки кланятся безчестно* (А. Лызлов. Скифская история (1692)) [1]. Отсутствие приветствия при встрече или прощании является способом выражения отрицательного отношения к человеку: гнева, обиды [2, с. 22].

Понимая приветствие в его широком смысле как выражение приветия, то есть расположения, отмечаем, что обнаруженные при этимологическом и этнокультурном исследовании глубинные смыслы восточнославянской этикетной лексики позволяют сделать вывод о системе духовных ценностей и приоритетов предков современных восточных славян, включающей понятия «здоровье», «спасение (души)», «помощь и присутствие Бога», «благоденствие», «долголетие», «радость», «мир» (как состояние всеобщего спокойствия) [2, с. 288].

Христианские приветственные формулы являются книжным наследием. Это формулы-благопожелания с прозрачной внутренней формой: *Мир вам! С миром! Дай Бог мир! Бог в помощь! Многая лета!* и др. Особую группу составляют заимствованные христианские приветствия-хайретизмы, необычные для восприятия современным языковым сознанием. Их структура включает императив, призывающий радоваться, и обращение к сакральному субъекту, которое может сопровождаться описательным восхвалением.

Целью нашей работы является установление своеобразия русского аналога греческого приветствия-хайретизма *Радуйся!*

Греческое приветствие *хайре* 'радуйся' восходит к праиндоевропейскому корню, зафиксированному в санскритском *hary* 'быть довольным, веселым'. Приветствие *хайре* становится известным древнерусскому этикету благодаря текстам Нового Завета [2, с. 162]. Использование хайретизмов со времен античности было приемом гимнической и риторической поэтики. Сложная семантика этого приветствия позволяет переводить его трояким образом: *Здравствуй! И тотчас подошел к Иисусу и сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его; Да здравствует! (Слава тебе!) И стали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский!; Радуйся! (радуйтесь!) Они же <... > побежали возвестить об этом ученикам Его, и тут Иисус встретил их и сказал: радуйтесь!* [2, с. 162–163].

Многочисленные хайретизмы (русские соответствия древнегреческому *хайрэ!* 'радуйся' как компонент восхваляющих обращений к деве Марии) содержатся в Богородичном акафисте Постной триоди [2, с. 163]: *Радуйся светило незаходимого света. Радуйся честная похвала иереом благоговейным. Радуйся яже девство и рождество сочетавши. Радуйся надеже благ вечных. Радуйся судии праведного умоление.*

Таким образом, хайретизм представляет собой обращение-восхваление, начинающееся со слова *Радуйся!* Л. Лутковский в своих переводах делает примечание: «Радуйтесь – это слово можно понимать и как обычное приветствие, и как призыв к радости о совершившемся событии» [3, с. 141].

Исследование этимона глагола *радоваться* дает возможность выявить обусловленность употребления в функции христианского приветствия этого глагола его глубинной семантикой. Внутренняя форма корня *рад-* объясняет функционально-семантическую связь, свойственную глаголу.

В современном русском литературном языке краткое предикативное прилагательное *рад* имеет значения: 'о состоянии особенной приподнятости, испытываемом кем-либо, связанной с оживлением (веселостью) и расположением к кому-либо или к чему-либо'; 'доволен'; 'счастлив'. Ю. Покорный производит праславянское **radъ* из праиндоевропейского **rōd-* / *rēd-* 'радостный', 'веселый', 'ободрять', находит соответствие с англосакс. *rōt-* 'радостный, веселый'; др.-исл. *rētask* 'становиться веселым, ясным' [4, с. 92–93]. При привлечении фактов санскрита значение архаичного корня становится очевидным:

rāddhá от *rādh*, *rādhyate* ‘расти’, ‘процветать’, ‘удовлетворять’; *ratà* ‘радующийся, находящий радость в чем-либо’ от *ram*, *rámate* ‘играть’, ‘радоваться’, ‘отдыхать’; *ra* ‘помогающий, способствующий’, *ravi* ‘солнце’ [5]. Вероятно, что и эти значения были производными, если принять во внимание значения родственных, но более далеких заимствованных слов *радий*, *радиус* с архисемой ‘луч’, подтверждающейся греческим и латинским языковым материалом. Скорее всего, сказывается совокупность вторичных, позитивно маркированных значений, развившихся на основе представлений о прямом, открытом, а значит, правильном, правом. «Типология формирования таких значений, как и противоположных, является языковой закономерностью» [6, с. 150].

Путь семантического развития корня *рад-* можно представить следующим образом: от обозначения состояния оживления, внутреннего согласия с внешним миром, формирующегося на базе исходных представлений о прямом, правильном (*радость*), к обозначению готовности проявить усердие, заботу (*рад*), затем к обозначению самого действия заботы, добра (*радеть*) и наконец к обозначению чувства удовлетворения, ощущения полноты жизни (*радость*). Причинно-целевой предлог *ради* воплощает смысл этой замкнутой цепи [6, с. 151].

Для христиан радость основана на ощущении Божьего присутствия, об этом неоднократно свидетельствует Библия: «Слыша Господь и помилова мя: Господь бысть помощник мой. Обратил еси плачь мой в радость мне, растерзал еси вретнице мое и препоясал мя еси веселием» (Пс. 29:11); «Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом владычным утверди мя» (Пс. 50:14); «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин.15:11).

Слово *радость* происходит из старославянского языка. С XI века оно фиксируется в церковнославянском языке русского извода в следующих значениях: ‘чувство душевного удовлетворения, веселия’; ‘веселие, торжество’. Встречаются также варианты *радование*, *радоши*, *радъство* [7, с. 13–16]. В древнерусский период прослеживается тесная связь в семантике слов *радость* и *веселье*. Это объясняется книжным происхождением слова *радость*, возникшего в результате перевода греческих служебных книг. Однако в церковнославянском языке семантика слова трансформируется. «В древнерусских текстах *радость* представлена как *благодать*, исходящая от Бога, что соответствует значениям слова *χάρις* ‘благоденствие, милость, счастье’; такая благодать дает здоровье и силу, а это и есть счастье» [8, с. 239]. Авторы греческих текстов понимали радость в неразрывной связи

с понятием о счастье и здоровье, что соответствовало этимологической семантике корня *vesel-* < **vesel-* < и.-е. **ues-* ‘жить, пребывать’, ‘нежиться, есть, пировать’. Для старославянского *veselie* характерна была семантика ‘пир’. По этой причине лексемы *радость* и *веселие* могли заменять друг друга. Однако перевод цитаты Сираха в «Изборнике» 1076 г. имеет следующий вид: *несть веселия паче радости срьдьчьныя*. У Епифания Премудрого значения слов *радость* и *веселие* не отождествляются [8, с. 239–243].

Место приветствия-хайретизма не является фиксированным. Это может быть как начало: *Радуися Владычице, Ея же ради радости наполняемься, и жизнь наследуем* (Канон Богородице Акафисту), так и завершение: *Но яко имущи державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуися Невесто Невестная* (Канон Богородице Акафисту) [1].

Приветствие-хайретизм *Радуйся!* содержится прежде всего в цитатах из Священного Писания, а также в переводных произведениях и похвальных словах русским святым.

Можно заметить, что в обращениях к святым в приветствии *Радуйся!* преобладает хвалебная сема. С точки зрения современников, смысл этого приветствия – ‘Слава вам!’: *Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаете!* [9, с. 222].

В проповеди Лазаря Барановича, посвященной Рождеству Богородицы, наблюдается трансформация приветствия в упоминание о вселенской радости. Можно сопоставить начало Богородичной молитвы: *Богородице, дево, радуйся, Яко Спаса родила...* – и начало проповеди Лазаря Барановича: *Рождество твое, Богородице дево, радость возвести всей вселенней, церковь божественная воспевает в тропаре. Радость земле: раждаетъ бо ся яже породит сего, иже проклятую землю шествіем своим освятит, терніе еже аки проклята породит, в венец себе вземлет* [2, с. 166].

Разновидностью приветствия-хайретизма является инфинитивная форма *Радоватися* (о Господе): форма инфинитива не была такой категоричной, как форма повелительного склонения. В современном русском языке взаимоотношения между двумя этими формами побуждения противоположные. Сейчас форма инфинитива является более категоричным волеизъявлением. В древности же именно инфинитив был более мягкой формой побуждения. Следы архаичного употребления можно найти в составе устойчивого словесного комплекса *Добро пожаловать*. Однако речевой этикет препятствовал обраще-

нию к собеседнику в форме императива. Поэтому форма обращения меняется с течением времени. В контекстах обнаруживаются и собственно приветствия в начале контакта, при встрече, и похвала, словословие. Интересно, что инфинитив *Радоватися* зафиксирован чаще в первой функции, а императив *Радуйся* – во второй: *Пречестныя и великия обители <... > боголюбивому о Христе духовному брату Моисею иноку – первый во грешницех, последний въ человецехъ, многогрешный и мярек с поклонною и изможденою главою, радоватися* (Посл. о хмеле, с. 244) [2, с. 168].

Радовати может употребляться вместе с другим приветствием религиозного характера, например: *Спаситися, Спасатися: Пречестнеше моему гсдрю отцу... Вениамину Афонасевичю о гсде радоватися і спасатися Івашко челом бью* (Монаху В. А. Кирпичеву от Ивашки); *Присному моему пречестному отцу, приведшему душу мою ко общему творцу, государю моему, паче же и благоприятелю моему, спаситися и радоватися* (Послание сына, «от наготы гневаго», к отцу) [2, с. 169].

Приветствие *Радовати* может сочетаться с формой *желаю* и быть аналогом этикетной формулы *Здравия желаю*. Однако использовалось сочетание *Радовати желаю* только при обращении к вышестоящим аналогично тому, как употреблялось *Здравия желаю* в ответ на *Здравствуйте*.

В письмах глагол *радovati* мог сочетаться с адресными формами личных местоимений *мне бы, нам бы* как самопожелание (*А нам бы слыша твое здорове дядюшка і о Иванушкове w Хрсте радоватися* (И. Ковригин – П. Т. Салтыкову)), или в форме *радуемся* мог использоваться как приветствие при встрече, получении приятных новостей [2, с. 170].

В оригинальных повествованиях приветствие *Радуйся!* обычно появляется в специфическом контексте, связанном с сакральной сферой: *И се приде к ним от востока муж светел стар во одежди святительской, великимъ же светомъ сияя. И поклонися пред апостолы, глаголя: «Радуйтеся, ученицы и апостолы господа нашего Иисуса Христа». И отвецаша ему апостолы апостолы: «Радуйся и ты, угодниче Христовъ Николае»* [2, с. 165].

Сакральный текст обладает характерным свойством: он не направлен на получение новой информации. Необходимо, напротив, обладать знаниями для понимания текста. Главная функция такого текста обращение не столько к разуму, сколько к чувствам, что дости-

гается эстетической основой текста. Символическая неоднозначность усиливает воздействие сакрального текста.

Семантическая реконструкция, выявление этимологических связей проясняют концептуальные особенности древнего корня: значимость в христианских дискурсах, духовное наполнение, альтруизм, нерегулярность проявленной причины и т. д. Регулятивная и волюнтаристическая функции языка проявляются в древнерусских приветствиях-хайретизмах.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 23.10.2020.
2. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне) / Н. С. Гребенщикова. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 306 с.
3. Евангелие от Матфея / В пер. о. Леонида Лутковского // Литературная учеба. – 1990. – № 1. – С. 97–141.
4. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд. – Т. 2 : Панцирь – Ящур. – М. : Русский язык, 1999. – 560 с.
5. Кочергина, В. А. Учебник санскрита : учебник для высших учебных заведений / В. А. Кочергина. – М. : Филология, 1994. – 336 с.
6. Холявко, Е. И. Радости ради: к семантической реконструкции древнего корня / Е. И. Холявко // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. научн. статей. Вып. 5 / редкол. : Т. Н. Усольцева (гл. ред.), И. Н. Афанасьев, Н. В. Сулова ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 147–152.
7. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Т. 3. – Ч. 1. – М. : Книга, 1989. – 910 с.
8. Колесов, В. В. Древняя Русь : наследие в слове : в 5 кн. / В. В. Колесов. – Кн. 3 : Бытие и быт. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с.
9. Повесть о Петре и Февронии / подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. – Л. : Наука, 1979. – 348 с.

The article is devoted to the semantic reconstruction of Christian book greetings. The study of the root's deep semantics allows us to justify the choice of a correlating Russian word for the ancient Greek original. The article considers the communicative purpose of greeting-haïretism; determines its originality; establishes the connection between the internal form of the Russian verb and its function.

Keywords: haïretism, greeting, Christianity, speech etiquette, the internal form, semantic reconstruction.